

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
САМАРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ ИМ. П.В. АЛАБИНА

САМАРСКИЙ КРАЙ В ИСТОРИИ РОССИИ

ВЫПУСК 6

МАТЕРИАЛЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

САМАРА 2017

«Самарский край в истории России». Выпуск 6. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 165-летию со дня основания Самарской губернии и 130-летию со дня основания СОИКМ им. П.В. Алабина. – Самара, 2017. – 464 с.

ISBN 978-5-9500822-9-0

Редакционная коллегия:

к.п.н. Д.В. Варенов, А.Ф. Кочкина, к.и.н. Д.А. Сташенков (отв. редактор).

Рецензенты – *Ю.П. Анишаков*, д.и.н., профессор, директор Поволжского филиала
Института российской истории РАН.

Э.Л. Дубман, д.и.н., профессор Самарского государственного университета.

Сборник статей «Самарский край в истории России» содержит материалы Шестой Межрегиональной научной конференции, проходившей в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина 22-23 ноября 2016 г. В конференции, посвященной 165-летию со дня основания Самарской губернии и 130-летию со дня основания СОИКМ им. П.В. Алабина, приняли участие около 100 докладчиков, среди них – представители научных учреждений, вузов, государственных и муниципальных музеев Самары и Самарской области, Москвы, Санкт-Петербурга, Елабуги, Казани, Кирова, Уфы.

Работа конференции проводилась по следующим секциям: «Формирование и изучение музейных собраний», «Археология», «Этнография», «Актуальные проблемы исторического краеведения», «Природа края», «Новые технологии в музейном деле».

В публикуемых статьях вводятся в научный оборот новые источники и архивные материалы по археологии, истории, культуре и природе края.

Сборник предназначен для специалистов – биологов, историков, археологов, этнографов, музейных работников, а также для учителей школ, краеведов и всех, интересующихся природой, историей и культурой родного края.

ISBN 978-5-9500822-9-0

© ГБУК «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина», 2017.

© Коллектив авторов, 2017.

УДК 9:908

СОБЫТИЯ В СТРАНЕ И МИРЕ ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОГО ОБЫВАТЕЛЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х – НАЧАЛА 1980-х гг. (на материалах г. Куйбышева)

© 2017 г. А.М. Доценко

В статье сквозь призму повседневности советского города хрущевской и брежневской эпохи рассматриваются идеологические аспекты, влиявшие на мировоззрение советского человека, его восприятие внутривнутриполитических и внешнеполитических событий.

Ключевые слова: история повседневности; советский город; агитсобрания; идеология; конформизм

Проблема взаимоотношений власти и общества в 1950-1980-е гг. достаточно подробно освещена в отечественной историографии, однако за пределами внимания историков часто оставался не менее значимый вопрос восприятия власти и ее политики общественным сознанием, иначе говоря – вопрос социально-политико-психологических настроений и ожиданий.

В 1950-е гг. задачам переустройства массового сознания в нужном ключе была подчинена социальная пропаганда, которая состояла из ряда считавшихся логически неоспоримыми тезисов.

Официальная пропаганда стремилась создать у народа представление о том, что в социальной сфере экономические различия между людьми уходят на второй план. Иностранные наблюдатели отмечали, что советские люди 50-х годов похожи даже по внешности. Г. Маркес, в будущем знаменитый писатель, а тогда журналист, приехавший в Москву, обнаружил, что: «Исчезновение классов – впечатляющая очевидность: все в старой и плохо сшитой одежде и дурной обуви. Навык массовой организованности, видимо, составляет важнейшую часть психологии советских людей. Население ощущает себя слитым в единое целое с властью, разделяет ее видение мира, согласно которому советское общество знает, в сущности, только одно противоречие: между хорошим и лучшим»¹.

По наблюдениям Маркеса, люди относились друг к другу по-братски, встречали у товарищей отзывчивость, поддержку и, если нужно, принципиальную критику своих неверных поступков. Взаимная требовательность являлась залогом исправления ошибок и отдельных недостатков. В советском обществе люди встречались, прежде всего, с хорошим, будь то другие люди, учреждения, отношения, книги, вещи. Дурное, в представлении масс, существовало лишь на обочине жизни, что создавало атмосферу коллективного осуждения любой критики существовавшего строя. К концу сталинского правления пропагандой был создан «образ врага» – «идеологическое выражение общественного антагонизма, динамический символ враждебных государству и гражданину сил, инструмент политики правящей группы общества»². Этот образ формировался в сознании людей и лежал в основе особой психологии враждебности и ненависти по отношению к другим группам, народам и странам. Высказывать критические суждения по поводу каких-либо событий в стране, а тем более в отношении власти, категорически запрещалось. Это одна из отличительных черт тоталитарного режима, характеризуя который Томас Манн сказал еще в начале 1940-х гг., что в таком обществе «настойчивая тяга к сообщительности... парализуется страхом сказать нечто не подлежащее огласке»³.

В целях контроля народных настроений и для направления их в нужное русло в организациях и учреждениях страны проходили агитсобрания и читки материалов с решениями съездов и пленумов партии. Состояние общественной атмосферы начала 1950-х гг. наиболее ярко передает массовая реакция на «дело врачей», по поводу которого в провинции по указу партийных комитетов развернулась шумная кампания по осуждению врачей, от которых зависела жизнь вождя и его сподвижников.

В январе 1953 г. на ряде предприятий г. Куйбышева прошли собрания с обсуждением этого процесса. Не секрет, что «дело врачей» носило антисемитскую направленность. Это, в свою очередь, разожгло националистические настроения народа. Так, один из рабочих Фрунзенского района города сказал: «Я от евреев много натерпелся, будучи во время войны в Ленинграде. В дни блокады евреями были отравлены продукты»⁴. Пациентка больницы им. Пирогова М.М. Андреева отказалась лечиться у врача Долинского, еврея по национальности, заявив, что «он ее пырнул в живот». Позднее Н.С. Хрущев признавал, что «многие члены Президиума ЦК КПСС чувствовали несостоятельность» подобных обвинений, «но они не обсуждали их, потому что раз про это сказал Сталин, раз он сам «ведет» этот вопрос, то говорить больше не о чем»⁵.

Народ же был полностью на стороне режима, и помимо заключения виновных и их расстрела требовал еще, что их «надо растерзать на куски» после этого. Подобные «решения проблем», нашедшие свое отражение в сознании масс, – в духе того времени. Такая реакция была не чем иным, как списыванием своих трудностей на происки «враждебного окружения». Вспоминая «позорное дело врачей», Хрущев

говорил, что только человек, являвшийся «продуктом сталинской политики», мог «внедрить в сознание наших граждан ту дикую мысль, что мы не просто окружены врагами, но что едва ли не в каждом человеке, который рядом, нужно видеть неразоблаченного врага»⁶.

Любое значительное потрясение проявляет в сознании людей обыденно-искреннее выражение своих чувств. Таким потрясением в жизни советского общества начала 1950-х гг. стала смерть И.В. Сталина в марте 1953 г. Потоки соболезнований как в местные, так и в центральные партийные и советские организации позволяют проследить, насколько значимым и почитаемым был для простых людей «отец народов». Исследование данного факта интересно и тем, что проблема любви советского народа к Сталину, отраженная в повседневных письмах, показана в современной литературе лишь в период так называемого «апогея культа личности», то есть, еще при жизни «Вождя». В то же время истинные, неподдельные слова рядовых граждан проявились как раз в дни «великой скорби».

Весь советский народ 6 марта 1953 г. встретил одинаково: «В 7 часов утра, когда передавалось сообщение ЦК КПСС, огромная толпа рабочих, инженерно-технических работников и служащих, идущих на работу, скопились у репродукторов, каждый останавливался и слушал сообщение. Царила глубокая тишина...».

Соболезнования шли со всех организаций, предприятий, учреждений. На заводах проходили траурные митинги, речи выступающих прерывались рыданиями женщин.

Помимо заводов и прочих организаций, в трауре участвовали и школы. Один из руководящих работников ОАО «Салют» Н.Н. Лесниченко, в 1953 г. ученик 2-го класса, вспоминал: «Во дворе школы были собраны на линейку ученики всех классов. Директор сообщил о смерти И.В. Сталина. Некоторые учительницы и школьницы плакали. Про одну учительницу сказали, что она улыбается, но после этих слов она стала рыдать в голос с причитаниями (может от страха?). Соседи говорили, что теперь навсегда омрачен Международный женский день 8 марта. Мне казалось, что печаль и скорбь народа были неподдельные»⁷.

Характерным в те дни явилась «повальная» подача заявлений в партийные организации с просьбами о принятии беспартийных в ряды КПСС и ВЛКСМ, поскольку «в дни великой скорби» советские люди выразили желание «теснее сплотиться вокруг Центрального Комитета Коммунистической партии и советского правительства»⁸. Например, секретарь Кировского РК ВЛКСМ Плотникова на III пленуме Куйбышевского горкома комсомола 12 марта 1953 г. констатировала, что только в Кировском районе города за неделю вступили в комсомол 2 тыс. 257 человек⁹. Большинство людей было уверено, что в тот день, когда умер Сталин, «хищные агрессоры во главе США и Англии ведут бешеную подготовку к новой мировой войне»¹⁰. Значительная часть молодежи воспитывалась в духе конформизма и аполитизма, прикрываемого словами о «советском патриотизме» - слепой преданности власти и ненависти к ее врагам.

Смерть Сталина стала для подавляющего большинства населения страны крушением целой системы. Не надежды на перемены к лучшему, а опасения «как бы не было хуже» формировали главную психологическую установку тех дней.

Однако в прессе все чаще появлялось слово «новое» – характерная черта эпохи начала 1950-х годов, особенно 1953 года. Это не трудно проследить по газетным заголовкам тех лет – «Новое общежитие», «В новом магазине», «В новом районе» и т.п. Официальная пропаганда, таким образом, стремилась внедрить в сознание масс, что, несмотря на «великую потерю», советское общество вступает в совершенно новый, лучший период своего развития.

Но нечто «новое» не должно было ассоциироваться у людей с тем «старым», что осталось после сталинского правления. Результатом стало постановление Пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия»¹¹, которое, естественно было одобрено всеми партийными организациями страны как «единственно правильное». Решения подобного рода, исходящие от партийных структур, как всегда, находили поддержку среди трудящихся, словно соревновавшихся в стремлении сильнее заклеить очередного врага.

Интересными с точки зрения повседневного рабочего фольклора являются строки популярной летом 1953 года среди куйбышевских рабочих частушки-эпиграммы:

Берия, Берия
Вышел из доверия,
А товарищ Маленков
Надал ему пинков¹².

Примечателен и такой факт, что в хранящихся в архивах газетах за тот период лицо Берии на фотографиях либо перечеркнуто, либо стерто совсем. Как отметил английский историк Ричард Кавендиш, Берия тогда был «одним из самых ненавидимых людей в стране»¹³.

Новым в жизни советского общества середины 1950-х гг. стал психологический климат, сложившийся после XX съезда КПСС в феврале 1956 г., и в особенности после доклада Н.С. Хрущева о культе личности. В обществе начала складываться новая ситуация. Восприятие Сталина как человека в массо-

вом сознании изменило и отношение к его преемникам наверху, которые тоже становились «простыми людьми». Власть лишилась божественного ореола.

Люди, по инерции, были согласны с решениями съезда партии. Это отмечала и главная газета страны – «Правда»: «Исторические решения XX съезда Коммунистической партии Советского Союза встречают единодушное одобрение всех партийных организаций, всего советского народа»¹⁴. Однако, еще одним значимым результатом этого съезда стало появление дискуссий, а не просто агитсобраний. В различных организациях, на заводах, фабриках стали проходить собрания, неформальные обсуждения, споры. Сомнения рождали раздумья, раздумья – новые вопросы. Одна дискуссия питала другую, волна общественной активности становилась шире и глубже.

Главной же мишенью для критики, безусловно, стал сам Сталин. Так, в Куйбышевском авиационном техникуме студенты высказывали следующее: «Сталина нужно рассматривать как врага народа. То, что он допускал, это не ошибки, а преступление – столько погибло невинных людей»¹⁵. В ходе бесед возникали такие вопросы, как: «Будут ли выносить Сталина из мавзолея?», «Почему раньше не писали о культе личности?», «Почему не снимают портреты Сталина?» и т.п. Помимо слов были и конкретные действия: на Куйбышевской ГРЭС, например, был перечеркнут портрет Сталина. Можно сказать, что подобные действия и высказывания свидетельствуют не столько о личной ненависти к Сталину, сколько об очередном, беспрекословном принятии решений партии.

Примечательно, что волновавшие народ вопросы, в силу особенностей сложившегося еще при Сталине мировоззрения, рядовые коммунисты по-прежнему стремились разбирать исключительно на партийных собраниях, то есть с позиций «генеральной партийной линии», а не субъективных точек зрения. Так, на партсобрании завода им. Масленникова военный представитель полковник Макуха высказался относительно причин возникновения культа личности: «Трудно себе представить, чтобы один человек навязал волю шести миллионам членов партии. Это стало возможным в результате неправильного воспитания членов партии, угодничества, подхалимства и трусости. В партии стали появляться так называемые бесконтрольные коммунисты-начальники, имеющие по несколько квартир, дач, неограниченность в снабжении продуктами и промышленными товарами, забывшие о нуждах трудящихся, оторвавшиеся от партийных масс...»¹⁶. Бюро Куйбышевского обкома партии осудило «антипартийное» поведение Макухи и исключило его из КПСС. В соответствии с принципами советского мышления, он пытался объяснить причины сталинизма исходя из экономического и социального неравенства в обществе.

Почву для новых дискуссий подготовили события 1956 г. в Венгрии, Польше и в районе Суэцкого канала и их освещение в советской печати. С помощью кампании, организованной в прессе, из отдельных сюжетов и комментариев лепился образ «кровавой контрреволюции», на фоне которого ввод советских войск в Будапешт выглядел не действием, попирающим нормы международного права, а чуть ли не как акт спасения. Отголоски советской пропаганды были слышны на ряде предприятий г. Куйбышева. «Не надо было бы выводить советские войска из города, а следовало бы добить до конца вражеские силы Венгрии», – высказывались во 2-м автохозяйстве, где при оценке уже Суэцкого кризиса Израиль называли «проституткой, продавшей англо-французским правительствам»¹⁷. Высказанные мнения были основаны на свойственном времени холодной войны чисто советском сознании, воспринимавшем все зло как «козни империалистов». Не случайно поэтому сочувственное отношение к странам «третьего мира», звучащее в те годы на собраниях и других агитмероприятиях. Рабочие Кировского района города так отнеслись к событиям в районе Суэцкого канала: «Египту нужно оказать всемерную помощь, вплоть до посылки добровольцев и техники... Если будет объявлено, то мы добровольно пойдем защищать Египет»¹⁸.

Вместе с тем, венгерский вопрос для советского руководства стал своего рода индикатором, определяющим степень взрывоопасности внутривнутриполитической обстановки. Дело было не только во внутривнутрипартийной борьбе, но и в социально-экономическом положении общества. Помимо «единодушного одобрения линии партии» в народе звучали и критические голоса. На одном из собраний рабочие ДОКа № 2 заявили: «Если в Венгрии были прогрессивно справедливые требования, зачем надо было подавлять восстание и принимать в этом участие советским войскам. У нас еще тоже материальное положение не совсем нормальное, картошка дорога – 90 коп., следовало бы нашему правительству тоже подумать»¹⁹.

Рабочие многих предприятий города напрямую высказывали свои недовольства существующей властью. Были случаи, когда народ «срывал свое зло» непосредственно на личности Хрущева. Так, на одной из газетных витрин в Кировском районе г. Куйбышева на фотографии Хрущева были вырезаны глаза.

Однако, все подобные действия и высказывания были вызваны не столько тоской по казарменному социализму, сколько недовольством материальными условиями, стремлением заставить руководство «прекратить растранирование народного добра, уделить больше внимания развитию легкой и пищевой промышленности»²⁰. Свергнув Сталина с пьедестала, Хрущев снял вместе с тем «ореол непри-

косновенности» с первой личности и ее окружения вообще. Система страха была поколеблена. Люди теперь вправе были не только ждать от руководства перемен к лучшему, но и требовать их. Это напугало руководство страны и привело к закручиванию гаек, отчетливо проявившемуся в «закрытом» письме ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». Критиковать власть стало вообще опасно. Внимание советских людей было переключено на взаимоотношения с главным врагом в холодной войне – Западом, или же на «собратьев» по социализму, обвиненных в «оппортунизме».

Эпоха «оттепели» ознаменовалась частичной либерализацией не только внутренней жизни страны, но и «потеплением» отношений с капиталистическими странами, в первую очередь с США. В этой связи характерны известные «кухонные дебаты» Н.С. Хрущева и вице-президента США Р. Никсона летом 1959 года. Последний, увидев отношение советского народа к «заокеанским новинкам», которые были выставлены в Сокольниках для всеобщего обозрения, понял, что «главное оружие Америки в борьбе с коммунизмом – не ядерные ракеты, а американский образ и уровень жизни»²¹.

В сентябре 1959 г. состоялся ответный визит Хрущева в США, которому советская пропаганда уделяла большое внимание. На предприятиях страны проводились собрания по обсуждению итогов «визита дружбы». Большинство трудящихся в обеденные перерывы в красных уголках своих организаций выражали «единодушное» одобрение этой поездки. Пожалуй, наиболее точно мысли советских людей эпохи «оттепели» выразил шлифовщик куйбышевского завода «Машстрой» Евсеев, заявив, что «лед «холодной войны» тронулся»²². Многие заводы были украшены в те дни лозунгами следующего содержания: «Да здравствует дружба и сотрудничество народов Советского Союза и Соединенных Штатов Америки в интересах ликвидации «холодной войны» и упрочения мира во всем мире!».

Противоречивость эпохи проявлялась и в том, что зачастую искренние стремления лидеров КПСС, пропущенные через существующие политические механизмы, давали совершенно иные практические результаты. Подтверждением этому служат события мая 1960 г., когда, несмотря на казалось бы наладившиеся отношения между СССР и США, над территорией Советского Союза был сбит самолет Пауэрса. Как и прежде, любые события, связанные с внешней угрозой государству, сплотили народ и власть. Советские люди всячески выражали согласие с выступлением Хрущева по поводу «наглых провокаций американской военщины», которая «послала шпионский самолет в глубь советской страны в самый торжественный для... народа и трудящихся всех стран день 1 Мая»²³. В течение мая на многих предприятиях проходили митинги протеста против американских действий в отношении Советского Союза. Так, по г. Куйбышеву было проведено 204 таких митинга, 152 из которых приходилось на один из самых пролетаризированных районов – Кировский²⁴. На заводе им. Фрунзе рабочие заявляли следующее: «Не нужны нам подобные «гости», держащие за пазухой камень! Пусть Эйзенхауэр не приезжает к нам»²⁵. Эти высказывания лучше всего передают настроение советского народа в отношении Америки и планируемого на 1960 г. официального визита президента США в Советский Союз (так и не состоявшегося).

Очередным поводом для антиамериканской кампании стала война во Вьетнаме (1965 – 1973 гг.). То, что это была целая кампания, а не просто выражение мнений, говорят факты. Так, помимо ставших уже легендарными лозунгов «Американцы вон из Вьетнама!», «Руки прочь от Вьетнама!», куйбышевскими комсомольцами в апреле 1968 г. была проведена акция по сдаче крови «борющемуся Вьетнаму»²⁶. Кроме того, 85 комсомольских организаций города отработали смену сверхурочно, а вырученные деньги также были направлены «в помощь вьетнамскому народу». За время «трудовой недели в помощь борющемуся Вьетнаму», проходящей с 15 по 20 апреля 1968 г., комсомольцы ГПТУ-27 г. Куйбышева провели электромонтажные работы в строящемся цирке. Подобные действия были продиктованы не столько международной пролетарской солидарностью (ее наличие, конечно же, не отрицается), сколько стремлением доказать и показать западным странам, и в первую очередь США, правоту и силу социалистического строя.

Доказать свою правоту советские лидеры, а за ними и советский народ, пытались не только западным странам, но и своему дальневосточному «соседу и брату» – Китаю, чье руководство во главе с Мао Цзэдуном в начале 1960-х годов стало проводить независимую от Советского Союза политическую линию. На собрании коллектива одного из куйбышевских заводов было заявлено, что «руководство КПК повело линию на раскол мирового Коммунистического движения, скатываясь в болото великодержавного шовинизма». Рабочие были едины во мнении, что «у Мао Цзэдуна двойное лицо», а начальник одного из цехов долотного завода даже предлагал Мао оставить свой пост председателя КПК, обещая, что они «это событие ознаменуют лишней сверхплановой тысячьо долот»²⁷. Помимо высказанных мнений и предложений куйбышевскими рабочими и служащими, на одном из предприятий докладчику был задан вопрос: «Будет ли знать китайский народ об обсуждении действий и поведения руководителей КПК нашим городом?»²⁸. Несмотря на всю наивность вопроса, он, в свою очередь, позволяет оценить политическое самосознание советского человека середины 1960-х гг., которому уже было важно не только высказать свое личное мнение, но и главное – быть услышанным. Это был значительный

результат тех перемен, которые произошли за прошедшие 10 лет после смерти Сталина.

Не секрет, что «играть по правилам» Советского Союза должны были все страны «народной демократии». Но, как известно, правительство А. Дубчека начиная с 1967 г. повело Чехословакию независимым, более либеральным курсом, вошедшим в историю как «пражская весна». Это привело к обострению отношений с СССР. Однако, советская пропаганда преподносила это как «заговор империалистических держав против мирного социалистического лагеря». Средства массовой информации преподносили события в Чехословакии так, что «обострение обстановки» в братской стране затрагивало «жизненные интересы» Советского Союза и других социалистических стран.

На волне этой кампании большинство советских трудящихся поддержало заявление ТАСС от 21 августа 1968 г. о вводе советских войск в Чехословакию. Особенно «близко сердцу» восприняли события в Чехословакии участники Великой Отечественной войны. Так, слесарь-инструментальщик завода им. Масленникова Ф. Чекунов, награжденный медалью «За освобождение Праги», сказал, что «ввод войск стран-участниц Варшавского договора на территорию Чехословакии – временная, но необходимая мера для того, чтобы защитить завоевания социализма в этой стране»²⁹. Высказывания в подобном ключе, звучащие в те дни на многих предприятиях города, являвшиеся бесспорным показателем патриотизма, в свою очередь были вызваны обстоятельствами времени, когда средства массовой информации доносили до населения страны «нужную» информацию. Истина оставалась «за кадром». Мало кому в августе 1968 г. было известно, что когда «русская армия захватила страну [Чехословакию – А.Д.], целую неделю улицы всех городов вопили от негодования»³⁰. Сам А. Дубчек позже вспоминал, что «образ Советского Союза в глазах наших людей... сильно померк»³¹.

Под прикрытием политических лозунгов о «пролетарском интернационализме», которым верили советские трудящиеся, были предприняты попытки силой решить конфликты внутри социалистического лагеря. В то же время реакция рядовых граждан на эти события позволяет понять, в каких масштабах партийная пропаганда могла координировать повседневное сознание народа в своих интересах. «Заготовленные штабными пропагандистами речи, подходящие на все случаи транспаранты с одинаковыми «Одобрям!» были неотъемлемой частью почти каждого заводского митинга в августе 1968 г.»³²

В атмосфере антиимпериалистической кампании в мае 1972 г. состоялся визит в СССР президента США Р. Никсона, который был первым официальным визитом президента США в Советский Союз. Этому событию было уделено большое внимание как в центральных, так и в местных средствах массовой информации. Куйбышевское областное радио, в частности, заявляло: «Хочется надеяться, что встреча руководителей двух великих стран послужит укреплению дела мира во всем мире»³³. Советские люди с таким же оптимистичным воодушевлением, как и в 1959 г., когда они следили за визитом Н.С. Хрущева в США, «единодушно одобряли» советско-американские соглашения об ограничении стратегических вооружений. Сверловщик куйбышевского завода «Продмаш» Е. Шевченко заявил, что договор между Советским Союзом и США встречен на заводе «с большим удовлетворением», и что в ответ «на заботу партии и правительства об укреплении всеобщего мира» «мы... досрочно выполним годовой план»³⁴.

В целом же о мировоззрении молодежи середины – конца 1970-х годов можно судить по высказыванию главного библиографа Самарской областной библиотеки А.Н. Завального: «Веривший в социализм, правительство и светлое будущее, признающий «наши отдельные ошибки» и строго осуждающий «порочащих советскую действительность» диссидентов, я вступал кандидатом в члены КПСС во время своей воинской службы, подав тогда же заявление о направлении добровольцем во Вьетнам в связи с начавшейся в марте 1979 года китайской агрессией»³⁵.

В начале 1980-х гг. интернационализм как неотъемлемая часть коммунистической морали продолжал господствовать в партийно-идеологических установках, определявших повседневную жизнь советских людей, и в первую очередь молодежи. Резко обострившиеся в этот период отношения с США заставили комсомольские организации усилить идеологический диктат именно в направлении «социалистического интернационализма». По стране проходили «Марши мира», участники которых ставили своей целью посылку писем в штаб-квартиру НАТО в Брюсселе с протестом против «милитаристской политики агрессивных кругов Запада».

«Пацифистскую» политику Советского государства выразил Ю.В. Андропов в своем ответе на письмо американской школьницы Саманты Смит: «Мы хотим мира – нам есть чем заниматься: выращивать хлеб, строить и изобретать, писать книги и летать в космос. Мы хотим мира для себя и для всех народов планеты»³⁶.

Слова генерального секретаря ЦК КПСС послужили импульсом для очередной антивоенной акции, которой стала самая мощная в 1983 г. акция-референдум «Я голосую за мир!». Начиная с июня месяца в газетах печатались «бюллетени», в которых люди выражали свое отношение к войне. Вот, например, что написала куйбышевская комсомолка, 15-летняя школьница Е. Ваулина: «Я против войны, я всегда буду голосовать за мир и только за мир. В этом году наша школа перечислила в фонд мира деньги, заработанные учениками на Ленинском субботнике. Мы готовы отдать все, только бы никогда не разразилась ядерная катастрофа»³⁷. За фасадом идеологии нетрудно проследить в словах школьницы

искренность опасений результата столкновения двух враждующих держав. Ряд граждан, принявших участие в антивоенном референдуме, выражая протест против войны, описывали, как потеряли близких во Второй мировой войне, или же просто возмущались политикой президента США Р. Рейгана.

Кульминационным моментом всей акции стал воскресный день 26 июня, когда на площади у Монумента Славы собрались куйбышевские рабочие, студенты и учащиеся школ. Среди лозунгов были такие: «Я голосую за мир!», «Миру – мир!», «Дело молодежи – отвести ядерную угрозу!». Вот как понимал задачи комсомольцев начала 1980-х гг. студент Куйбышевского политехнического института П. Сиямкин: «Дело комсомольцев, всей молодежи – активно противостоять варварским планам администрации Рейгана, своим трудом постоянно укреплять могущество социалистической Родины, бороться за мир во всем мире»³⁸. Как и прежде, на стандартный идеологический шаблон были нанизаны актуальные на тот момент имена и связанные с ними события.

К тому же митинг-референдум «Я голосую за мир!» совпал с ежегодным Днем советской молодежи, отмечаемым в последнее воскресенье июня. Объединяя таким образом праздник и политическую акцию в единое целое, предусматривалось последней придать «действие коллективного характера, охватывающего всех участников»³⁹. В тот день конечным пунктом колонны манифестантов стала главная площадь города – им. Куйбышева, на которой в урны для голосования были опущены бюллетени-открытки с антивоенными «пожеланиями» советских людей.

События начала 1950 – первой половины 1980-х гг., как мировые, так и внутри страны, рассмотренные сквозь призму обыденного сознания, показывают, что идеология – стержень советской действительности, играла главенствующую роль в повседневной жизни рядовых граждан. «Холодная война», начавшаяся после II Мировой войны, предопределила идеологическое противостояние Запада и Советского Союза. Поэтому естественным было стремление власти воспитывать советских граждан в духе конфронтации к стороне противника. Формированию массового сознания в нужном русле были подчинены такие средства пропаганды, как периодическая печать (газеты и журналы), кинохроника (так называемые «кино-журналы»), служащие преддверием к показу художественных фильмов в клубах и кинотеатрах), агитсобрания, митинги и демонстрации. На собраниях, проводимых, как правило, по месту работы людей, идеологические структуры выполняли сразу две функции: пропаганда и контроль. На таких агитсобраниях, где люди задавали лектору вопросы и высказывали свое мнение по тому или иному событию, происходило регулирование умонастроений граждан. Необходимость в этом усилилась в эпоху «оттепели», когда смерть Сталина внесла серьезные коррективы в систему отношений между народом и властью, а вместе с тем и в народные умонастроения. Вместе с Вождем перестал функционировать главный механизм гармонизации интересов народа и власти. Вместе с культом личности исчез и божественный ореол партийных представителей, которые становились в глазах народа простыми смертными людьми.

Массовое недовольство граждан вызывала ощутимая социальная несправедливость, те особые привилегии, которые имели работники партийного и государственного аппарата. Хрущев явно не обладал необходимым для постсталинского руководства комплексом харизматических черт, в которых нуждалось находящееся под единым началом общество. Для большинства он ассоциировался скорее с типичным аппаратным работником, нежели с лидером сверхдержавы, какой являлся СССР в те годы. Видимо поэтому, с приходом к власти в середине 1960-х гг. спокойного и консервативного Л.И. Брежнева массовое недовольство граждан и резкие высказывания в адрес властей постепенно нивелируются, трансформируясь к началу 1980-х гг. в апатию и пассивный конформизм. Собрания и митинги проводились по стандартному идеологическому шаблону, на который нанизывались актуальные на определенный момент имена и связанные с ними события.

В то же время, характерными для постсталинского периода стали развернувшиеся в 1950-е гг. споры и дискуссии, в которых рождался новый для советской действительности феномен – общественное мнение. О том, что это было именно мнение, свидетельствует аналитический, оценочный характер высказываний и суждений, из которых сложилась своеобразная «фотография» общественного мнения с выделенными «болевыми точками» действительности, существование которых наиболее остро и ново ощущалось на уровне обыденного сознания.

Примечания:

¹ Маркес Г. 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // *Латинская Америка*. 1988. № 3. С. 97 – 98.

² Фатеев А.В. *Образ врага в советской пропаганде: 1945 – 1954 гг.* М., 1999. С. 220.

³ Манн Т. *Доктор Фаустус*. М., 2004. С. 8.

⁴ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 714. Оп. 1. Д. 1780. Л. 1.

⁵ Хрущев Н.С. *Время. Люди. Власть. (Воспоминания)*. Кн. 2. М., 1999. С. 92.

⁶ Там же. С. 89, 94.

- ⁷ *Воспоминания Н.Н. Лесниченко // Личный архив автора.*
- ⁸ *СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1781. Л. 131.*
- ⁹ *СОГАСПИ. Ф. 2461. Оп. 11. Д. 13. Л. 56.*
- ¹⁰ *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 52. Д. 13. Л. 6.*
- ¹¹ *Правда. 1953. 10 июля.*
- ¹² *Воспоминания Н.Е. Трушиной // Личный архив автора.*
- ¹³ *Savendish R. Lavrenti Veria Executed // History Today. 2003. Vol. 53. Issue 12. P. 54.*
- ¹⁴ *Правда. 1956. 5 апреля.*
- ¹⁵ *СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 2036. Л. 19.*
- ¹⁶ *Доклад Н.С. Хрущева о культуре личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М., 2002. С. 509.*
- ¹⁷ *СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 2039. Л. 1.*
- ¹⁸ *Там же. Л. 12, 15.*
- ¹⁹ *Там же. Л. 2.*
- ²⁰ *Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 71. Л. 2.*
- ²¹ *Русаков Е. Лицо, искаженное эпохой // Новое время. 1994. № 17. С. 29.*
- ²² *СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 2215. Л. 84.*
- ²³ *См.: Гриневский О. Проболтался // Родина. 1996. № 1. С. 86.*
- ²⁴ *СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 2287. Л. 39.*
- ²⁵ *Там же. Л. 10 – 11.*
- ²⁶ *СОГАСПИ. Ф. 1683. Оп. 34. Д. 46. Л. 10.*
- ²⁷ *СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 2486. Л. 19, 23.*
- ²⁸ *Там же. Л. 12.*
- ²⁹ *Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. Р-3405. Оп. 2. Д. 846. Л. 431.*
- ³⁰ *Кундера М. Неведение. СПб., 2005. С. 63.*
- ³¹ *Труд. 1990. 18 марта.*
- ³² *Минаев Б. Пражская осень – 68. Свобода под танками // Огонек. 1993. № 34. С. 33.*
- ³³ *ГАСО. Ф. Р-3405. Оп. 4. Д. 392. Л. 278 – 279.*
- ³⁴ *Там же. Л. 408 – 410.*
- ³⁵ *Завальный А.Н. Хроника одного года // Самарский Земский сборник. 1998. № 1 (2). С. 83.*
- ³⁶ *Волжский комсомолец. 1983. 27 апреля.*
- ³⁷ *Волжский комсомолец. 1983. 22 июня.*
- ³⁸ *Волжский комсомолец. 1983. 28 июня.*
- ³⁹ *См.: Закович Н.М. Советская обрядность и духовная культура. Киев, 1980. С. 33.*

Информация об авторе:

Доценко Артем Михайлович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Российская Федерация);
 E-mail: nixon1980@mail.ru.
 Адрес служебный: 443041, г. Самара, ул. Ленинская, 142

DOMESTIC AND FOREIGN EVENTS THROUGH THE EYES OF THE SOVIET MAN EARLY
 1950S - THE FIRST HALF OF THE 1980S (ON MATERIALS OF KUIBYSHEV CITY)

A.M. Dotsenko

Through the prism of everyday life of the Soviet city of Khrushchev and Brezhnev era in the article discusses the ideological aspects that affect the world of Soviet man, his perception of domestic and foreign events.

Keywords: history of everyday life; Soviet city; campaign meetings; ideology; conformism

Information about the author:

Dotsenko Artiom M., PhD in History, Chief Researcher. The Samara Museum of History and Regional Studies named after P.V. Alabin (Samara, Russia)

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
И.В. Крамарева. Из века в век с надеждой в будущее	5
П.Н. Шарбаров. Речь Петра Алабина на открытии Вятского Публичного музеума: взгляд через 150 лет	8
Н.И. Курылева. И.В. Шишкин и П.В. Алабин: имен связующая нить	16

ПРИРОДА КРАЯ

В.С. Измайлова. Физико-географические ландшафты Кинельского района Самарской области	19
В.В. Гусев, М.П. Бортников. Перспективные виды горючих ископаемых Самарской области	23
И.В. Новиков, Л.В. Гусева, Д.В. Варенов, Т.В. Варенова. Важнейшие результаты совместной экспедиции ПИН им. А.А. Борисяка РАН и СОИКМ им. П.В. Алабина по мониторингу местонахождений триасовых тетрапод	27
Н.В. Оленева, Т.Е. Ермолова, Е.В. Рахимова. Распространение и фациальная зависимость среднедевонских брахиопод Самарской области (на примере коллекции из собрания СОИКМ им. П.В. Алабина)	36
Р.А. Гунчин, Ю.В. Зенина, А.А. Малышев. Фауна верхнемеловых отложений Шигонского района	45
В.П. Моров, А.А. Морова, Д.В. Варенов, Т.В. Варенова. Ископаемая флора Самарской области	55
К.Н. Сименко. О находках остатков крупных ископаемых млекопитающих четвертичного периода на территории Кинельского района Самарской области	69
Г.П. Лебедева, Л.В. Гусева, Л.В. Назарова, О.Г. Ухина. История формирования орнитологической коллекции СОИКМ им. П.В. Алабина	77
Г.П. Лебедева. Авифауна Самарской области. Состояние изученности	94
С.И. Павлов, И.С. Павлов. Изменение состава и структуры авифауны агроценозов в связи с трансформацией природной среды Самарской области	106
Е.А. Белослудцев. Пауки (arachnida: aganei) южной окраины города Самара	112
И.В. Любвина. Группа филофагов-минеров основных лесообразующих пород в Жигулевском заповеднике	118
М.Г. Котельникова. Особенности природных популяций некоторых редких растений Самарской области	122
В.В. Соловьева, А.И. Шакуров. Экологические особенности Таловского водохранилища	129
Т.Ф. Чап. Стрельная гора – критически значимая территория Самарской области	133
С.В. Саксонов, С.А. Сенатор, Г.С. Розенберг. Основные концепты закона «Об охране растительного покрова в Самарской области»	141
Н.В. Ремезова. Станция юннатов, или эколого-биологический центр, как центр реабилитации людей и животных	143

АРХЕОЛОГИЯ

Н.В. Лебедева (Овчинникова). Раскопки кургана 1 курганного могильника Красносамарский V	147
А.А.Хохлов. Палеоантропологический материал кургана № 1 могильника Красносамарский V	167
И.Н. Васильева, Л.С. Кулакова, Н.П. Салугина, Н.В. Рослякова. Раскопки курганного могильника позднего бронзового века Садгород IV в 2016 году	172
О.В. Кузьмина. Об одном типе роговых и костяных изделий конца эпохи средней бронзы - начала эпохи поздней бронзы Доно-Волго-Уралья	197
В.А. Скарбовенко, П.В. Ломейко. Курганный могильник золотоордынской эпохи Канадей I в Ульяновском Поволжье	211
Д.В. Вальков. Интеграция данных ДЗЗ и анализ микрорельефа. Опыт развития методики полевого археологического исследования	231

ИСТОРИЯ

Л.М. Артамонова. Открытие в 1856 году губернской гимназии – первого среднего учебного заведения в Самаре	242
Ю.Н. Смирнов. Роль учителей самарских школ середины XIX века в возникновении первых добровольных ассоциаций в городе	249
Я.М. Цыганова. Коммеморативные акции в дореволюционной Самаре	254
К.Н. Сименко. К вопросу о месте, дате основания города Кинель и его названии	262
Т.В. Кудряшова. Край раскольников и сектантов	267
С.А. Бабина. Организация культурного пространства дворянских усадеб Самарской губернии в XIX в.	272
О.М. Сизова. Благотворительность в Самарском крае во второй половине XIX века	277
А.А. Гончаров. Солдат особого назначения. Мищенко Иван Федотович	280
Л.Г. Мкртчян. Армянская религиозная община «Святой Гевонд» г. Самара в 1918-1930 гг.	284

А.И. Репинецкий. Население Куйбышевской (Самарской) области на страницах «пропавшей» переписи (1937 г.)	288
А.Н. Былинкина, М.В. Черепанов. Наградные документы самарцев, представленных к званию Героя Советского Союза, как инновационный источник музейной и военно-патриотической работы	293
А.И. Вайнюнская. Пребывание эвакуированных детей блокадного Ленинграда в городе Куйбышев в 1942-1945 гг.	298
Н.Ф. Ретин. Лечебно-санитарное управление Кремля в самарской эвакуации 1941-1943 годов	300
С.Н. Абрашкин. Формирование кадрового состава куйбышевского телевидения в 1950-1960-е годы	315
Л.В. Едидович. Нереализованные проекты самарского архитектора Петра Щербачева	321
А.М. Доценко. События в стране и мире глазами советского обывателя первой половины 1950-х – начала 1980-х гг.	326

ЭТНОГРАФИЯ

Т.И. Ведерникова. Формирование системы поселений на башкирских землях в процессе аграрного освоения Самарского края	333
М.М. Маннапов. К вопросу о происхождении башкирского рода Акировых	337
Т.А. Мачкасова. Фольклорные традиции русского населения Самарского края	343
И.С. Назарова. Обрядовая кукла в русских традициях проводов весны на материале Самарского края	346
А.В. Олищук. Гончарство Самарского края	348
Н.И. Солдатов. Празднично-обрядовая традиция русской культуры	351
И.В. Филатова. Традиционные головные уборы русских крестьян Самарской области	355
Н.А. Хайруллина. Традиционный крестьянский костюм русского населения Бузулукского уезда Самарской губернии (по материалам этнографических экспедиций в Богатовский и Борский районы Самарской области)	359

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

Е.В. Степочкина, Л.В. Кузнецова. Музейная сеть Самарской области	369
А.М. Гусева. Краеведческий музей как культурно-образовательный центр провинциального города	373
Т.М. Козинцева, Л.А. Мокроусова. Роль геолого-минералогического кабинета в формировании у студентов интереса к изучению геологии России	376
Л.Н. Любославова. Деятельность промышленных предприятий города Тольятти как раздел природно-экологической экспозиции «Природа. Город. Человек»	382
М.А. Иванова. Сбор и изучение музейных предметов по теме «экологическая деятельность промышленных предприятий города (на примере ОАО «Автоваз») для экспозиции «Природа. Город. Человек»	386
М.В. Борисов. Интерактивная экспозиция «Гончарный дворик» в Центре исторического моделирования «Древний Мир». Опыт работы 2012-2017 гг.	395
Т.В. Варенова, Д.В. Варенов. Музейная программа выходного дня «Музей для малышей»	409
Т.В. Васильева. Игровая форма подачи историко-краеведческого материала детской и молодежной аудитории	417
Ю.А. Петрик. Доступный музей – музей будущего (о работе с посетителями, оказавшимися в трудной жизненной ситуации)	422
О.В. Саушкина. О взаимодействии пространства музея и зрителя: теория и практика современных возможностей	425

ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

А.И. Ратнер. Коллекция восточного оружия из фондов Самарского областного историко – краеведческого музея им. П.В. Алабина	430
Н.Л. Синельщикова. Коллекция советских лотерейных билетов в фондах СОИКМ им. П.В.Алабина.	434
Т.Ю. Конякина. Нумизматическая коллекция СОИКМ ИМ. П.В. Алабина	440
А.В. Александров. Новые изыскания книг на историческую тематику во владельческих и польской коллекциях, хранящихся в фонде отдела редких книг Самарской областной универсальной научной библиотеки	445
В.Ю. Морозов. К вопросу о каталоге фалеристических памятников детских лагерей Куйбышевской (Самарской) области	450
Список сокращений	461

Научное издание

Самарский край в истории России. Выпуск 6.

Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 165-летию со дня основания Самарской губернии и 130-летию со дня основания СОИКМ им. П.В. Алабина. – Самара, СОИКМ им. П.В. Алабина, 2017. – 464 с.

Редакционная коллегия:

к.п.н. Д.В. Варенов, А.Ф. Кочкина, к.и.н. Д.А. Сташенков (отв. редактор).

Верстка и макетирование: Д.А. Сташенков

Дизайн обложки: Л.Ю. Николаева

Подписано в печать 17.04.2017 г. Формат 60 x 88 1/8
Объем 58 п.л. Уч изд. л. 58,1. Тираж 500 экз.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Заказ № 138
Отпечатано в типографии АНО «Издательство СНЦ»
443001, Самара, Студенческий переулок, 3а.
тел.: (846) 242-37-07